

В.А. Ядов

ПОПЫТКА ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ КОНЦЕПЦИЮ ФРЕЙМОВ ИРВИНГА ГОФМАНА

Фрейм — метафора, допускающая различные толкования. И. Гофман описывает фрейм как образ ожидаемых взаимодействий, предписанных расстановкой ролей данного субъекта и других участников в ситуации «здесь и сейчас». Предлагается принципиально иное осмысление фрейма в социальном пространстве и времени. В отличие от понимания пространства и времени как физического у Гофмана, социальное пространство и время относительно и зависит от его насыщенности субъективно значимыми событиями. Импульсом для переосмысления послужило стремление соавторов проекта «Как люди делают себя» интерпретировать ряд кейсов, в которых люди силою обстоятельств или произвольно изменяли свою жизненную траекторию. В описываемом подходе смена фрейма (рефрейминг) имеет место не в микроситуациях (напр., актер на авансцене и в тени), но в макро- (челноки начала 1990-х, забастовщики, фермеры из бывших колхозников и др.). И тогда вместо вхождения в иную роль — идентификационный кризис и обретение новой идентичности. Утверждается, что предлагаемая концепция органично вписывается в деятельность-активистскую теорию, тогда как подход Гофмана остается в рамках структурного функционализма: деятельная энергия субъекта направлена на приспособление к не зависящим от него «жизненным структурам», включая мимикрию и самообман. В расширенной интерпретации фрейма деятельный субъект способен изменять структуры «под себя».

Ключевые слова: *идентичность, социальная ситуация, субъект деятельности, рефрейминг, фрейм.*

Keywords: *frame, reframing, identity, agency, social situation, social time.*

В последнее десятилетие заметное внимание в наших публикациях и обсуждениях привлекает концепция фреймов Ирвинга Гофмана. Геннадий Батыгин предпослал русскому переводу знаменитой книги клас-

сика детальный анализ концепции с рассмотрением интеллектуальных влияний на автора и даже жизненных обстоятельств, в которых родилась сама идея фрейма (Батыгин 2001). Виктор Вахштайн самым скрупулезным образом исследовал наследие Гофмана, рассматривая фрейм-концептуализацию в качестве инструмента «социологического анализа повседневного мира» (Вахштайн 2004). Вместе с тем Лев Гудков в длящейся на сайте Российского общества социологов дискуссии о состоянии отечественной социологии в очередной раз заметил, что увлечение теорией Гофмана — занятие, отвлекающее от серьезных социальных проблем, как и все, относящееся к микросоциологии*.

Является ли концепция фреймов И. Гофмана «универсальной» в изучении повседневности? Мы с коллегами задумали исследование, в котором намеревались уяснить, каким образом обычные россияне в необычных для них обстоятельствах внезапно меняют сложившийся образ жизни и, как говорят англичане, сами себя делают**. Решили обратиться к концепции фреймов, полагая ее адекватной предмету исследования, а именно — анализу данных, полученных путем case study нескольких «нетипичных» сообществ сограждан. В числе кейсов были: «челноки» начала 1990-х гг., т. е. обычные советские служащие, рискнувшие заняться торговлей зарубежным ширпотребом, гражданские активисты из прежних обывателей, фермеры — бывшие колхозники, участники забастовки на АвтоВАЗе в 2007 г. и другие. Все они оказались в проблемной жизненной ситуации, добровольно или вынужденно изменили траекторию жизни и соответственно трансформировали систему привычных практик, каковая и превратилась в их повседневность.

Штудирова классика, мы убедились в том, что досконально разобратся в его теории отнюдь не легко. Гофман избрал для своего произведения жанр эссе, т. е. сочинения свободной композиции, изобилующего метафорами и авторскими ассоциациями. Обратились

* Странники постмодернистской ревизии социологии, говорит Л. Гудков, — предпочитают (точнее — декларируют) методические подходы микросоциологии — анализ практик, фреймов, этнометодологические приемы, «качественные методы», позволяющие избегать больших обобщений и теоретических абстракций, тем более, как им кажется, оценок или ценностных суждений (которые иногда, и не без оснований, отождествляются с публицистикой) (Гудков 2010).

** В проекте участвовали: А. Барсамова, Е. Данилова, О. Дудченко, К. Клеман, С. Климова, И. Климов, А. Мытиль, О. Оберемко, В. Ядов, Е. Ядова (См.: Как люди делают себя 2010).

к аналитикам Гофмана. Выводы, к которым приходит Геннадий Батыгин: фрейм — это «способность практического сознания “собрать” мир в организованное целое без участия дискурсивного контроля»; «Фрейм — универсальная объяснительная категория» (Батыгин 2001: 3). Виктор Вахштайн заключает: «Фрейм — это одновременно и “матрица возможных событий”, которую таковой делает “расстановка ролей”, и “схема интерпретации”, событий субъектами, в них участвующими» (Вахштайн 2004: 8). Читаем у Батыгина: «Гофман приходит к новому пониманию *перформанса исполнения*. Перформанс, по Гофману, это структура (arrangement), которая превращает индивида в сценического исполнителя, который, в свою очередь, является объектом наблюдения со стороны людей, образующих “аудиторию”, и этот исполнитель может разглядываться ими вдоль и поперек и действительно разглядывается без какого-либо риска обиды, поскольку сами его действия предназначены для разглядывания» (Батыгин 2001: 18). Фрейм устойчив, обладает рекурсивностью, т. е. в адекватной некоей прежней ситуации всплывает в памяти актора. Далее мы пытаемся «приложить» к нашим данным концепт рефрейминга — трансформации фрейма. Смена фрейма является следствием пребывания актора в несхожей с ранее имевшей место ситуации. Перформанс артиста на сцене — это цепочка фреймов: на авансцене, в диалоге с партнером у дверей дортуара (причем фреймы в процессе разговора анализируются Гофманом особо), при выходе из декораций спальни и т. д. и т. д. Геннадий Батыгин пишет, что сама идея фрейма пришла в голову автору при разглядывании поведения обезьян в зоопарке*, так что он не намеревался, как, например, его чикагские коллеги У. Томас и Ф. Знанецкий, доискиваться мотивов и ценностных предпочтений акторов. Гофмана интересовал механизм «собрания» в нечто целое предельно малого по масштабам пространства и времени фрагмента обыденной ситуации. Мы же имеем дело с социальными ситуациями совершенно иного рода: это жизненные ситуации, значимые в биографической траектории людей, часто поворотные моменты в их судьбах. Адекватна ли фрейм-концепция для интерпретации наших данных?

Дальше мы рассуждали следующим образом. Гофман рассматривает ситуацию действия в физическом и краткосрочном пространственно-временном масштабе, «здесь и сейчас». Но такой микроанализ адаптивного поведения совершенно не годится для интерпретации практик

* «Понятие фрейма, — отмечает Г. Батыгин, — Гофман заимствовал у Грегори Бейтсона, который исследовал поведение высших приматов, выдр и дельфинов (Батыгин 2001: 24).

персонажей наших кейсов! Однако Гофман нашел удачную метафору: рамка, гештальт, устойчивая структура. Он во всех подробностях исследовал механизмы формирования и реформирования фреймов для адаптации актора в непрерывном потоке микроситуаций его повседневной жизни, каковые предписывают шаблоны взаимодействия с другими. Деятельная энергия субъекта направлена исключительно на *приспособление* к не зависящим от него «жизненным структурам», включая микрию и самообман. Все это убедительно и вполне отвечает исследованию обыденных практик обычных людей.

Между тем доминирующая интенция социальных теоретиков нашего времени — поиск объяснительных моделей, отвечающих реалиям современного мира, главная особенность которого — непрерывный процесс изменений в технологиях, экономике, социальных отношениях, образе жизни и образе мыслей. Может быть, и организация повседневного опыта требует «возвращения человека действующего» (А. Турен), не только актора, исполняющего роли, заданные репертуаром жизненной драмы?

Нельзя ли переосмыслить концепт фрейма применительно к деятельному субъекту в широком социальном пространстве? Пойдем дальше. Масштаб физического времени и пространства, в котором Гофман наблюдает, например, действия хозяина бензоколонки и одновременно обслуживающего клиента мойщика автомобилей и мастера-техника, не зависит от субъекта, он *неизменен**. Физическое пространство и время обретают социальность, когда они наполнены социальными взаимодействиями, причем субъект воспринимает лишь те и реагирует лишь на те социальные взаимодействия, которые для него *значимы* в достижении некоторой цели, краткосрочной или долгосрочной. Хозяин бензоколонки оперирует цепочкой фреймов (фрейм хозяина, мойщика окон, мастера), каждый из которых предписывает соответствующие нормы взаимоотношения с клиентом. Временные и пространственные отрезки взаимодействия с клиентом требуют от хозяина исполнения трех ролей, каждой по известному сценарию: как хозяин он партнер клиента, они на равных могут поговорить о местных новостях, в роли мойщика или ремонтника он — обслуживающий работник, которого не принято отвлекать от дела.

* Гофман скорее реалист, — замечает Г. Батыгин, — предполагающий существование физического мира и общества *sui generis* как внешних ограничений индивидуальных представлений. Эти ограничения входят в определение ситуации в качестве объективных неконструируемых компонентов» (Батыгин 2001: 14).

В нашем же случае следует оперировать понятиями *социального* времени и пространства. В отличие от физического, масштаб социального времени вариативен и зависит от «чувства времени»*. Равно и социальное пространство не поддается измерению в едином масштабе, поскольку исследование взаимодействия людей предполагает понимание «того, как представляют себе пространство сами взаимодействующие (поскольку это важно для взаимодействия)» (Филиппов 2000: 114).

Но что именно значимо в представлении деятельного субъекта? У Гофмана это зависит от его самоидентификации как исполнителя *ситуативной роли*. В наших кейсах люди оказывались в таких жизненных обстоятельствах, когда теряли ориентацию в социальном пространстве «Мы-Они», испытывали кризис социальной *идентичности*. Не лучше ли обратиться к У. Томасу и Ф. Знанецкому, исследовавшим жизненный путь польских переселенцев в Америке? В их определении «Ситуация — это набор ценностей и установок, с которыми индивид или группа имеют дело в процессе деятельности и по отношению к которым планируется эта деятельность и оцениваются ее результаты». И еще: «...в данных условиях и с данным набором установок *возможно неисчислимо много жестов действий* [выделено мною — В. Я.] (Томас, Знанецкий 1994: 193–194).

Гофман наблюдал бесчисленное множество действий в повторяющихся ситуациях обыденной жизни. Томас и Знанецкий были озабочены не проблемой ролевой адаптации к данным *here and now* обстоятельствам взаимодействия с другими акторами, но проблемой адаптации в иной культуре, в иной системе социальных институтов. Кажется, что такая постановка вопроса нам более близка. И впрямь, при смене профессиональной занятости в госучреждении на рискованное занятие торговлей привозимыми из-за границы товарами персонаж нашего кейса оказывался в ситуации, схожей с положением польского крестьянина в непривычной и непонятной ему инокультурной среде. Из рассказов тогдашних челноков мы знаем, что поначалу решительно все они стре-

* Субъективность восприятия человеком времени, можно сказать, самоочевидна. Экспериментально доказано психологами, что чем более заполненным и расчлененным на маленькие интервалы является отрезок времени, тем более длительным он представляется. Если прошедшее время кажется нам тем более длительным, чем оно было богаче событиями, и тем короче, чем более оно было пустым, то в отношении текущего времени наоборот: чем оно беднее событиями и чем однообразнее его течение, тем более длительным, «тягучим» оно является в переживании, чем богаче и содержательнее его заполнение, тем незаметнее оно протекает, тем меньше кажется его длительность (Рубинштейн 1998: 72).

мились удержать привычную идентичность учителя, инженера, иного профессионала. Далеко не всем удалось преодолеть *идентификационный кризис*, некоторые решили вернуться к своей профессиональной деятельности. Бывшая учительница, бросившая занятие челночеством, говорит: «Я поняла, что это не мое дело». И в этом отношении она не единственная из опрошенных челноков 1990-х гг*.

В случае же с хозяином бензоколонки имеет место *ролевой конфликт*, который достаточно безболезненно разрешается путем переключения из одной роли в другую при сохранении самоидентификации**. Почему мы не последовали методологии Томаса и Знанецкого, объясню ниже, а здесь вернемся к челнокам и реконструируем цепочку их фреймов в нашей трактовке с момента принятия решения бросить работу конструктора или учителя.

В условиях экономического кризиса начала 1990-х гг. рухнула налаженная жизнь всех граждан. Денежная реформа почти полностью лишила накоплений. Государственным служащим, где бы они ни были заняты, перестали платить вообще или урезали зарплату и выдавали не каждый месяц. Большинство остались на прежней работе, дожидаясь, когда наступят лучшие времена. Нашлись и такие, кто рискнул заняться челночной торговлей. Далее последовала цепь изменений: ситуация вхождения в сообщество челноков, установление взаимоотношений с ними — ситуация первого пересечения границы в поездке за товаром — пересечения границы с купленным товаром — ситуация на диком рынке продажи заграничного ширпотреба и пр. В первой поездке начинающий челнок конструирует образ ситуации пересечения границы, не идентифицируя себя с другими челноками: он /она инженер, вынужденный временно бросить работу ради обеспечения семьи. Наш герой испытывает различные способы общения с таможенниками, пограничниками, со служащими аэропорта (т. е. представителями государственных институтов) и с другими челноками, которых мысленно именует «они». Он испытывает идентификационное напряжение. Опираясь на

* Из интервью бывшей учительницы: «Мне всегда не очень хотелось афишировать то, чем я занималась, если честно»; «Больше всего я боялась, что меня увидит [продавцом на рынке] преподаватель, которая меня учила» (бывшая инженер в КБ).

** Позволим себе вообразить внутреннюю речь хозяина бензоколонки: «Я — здесь хозяин. Жаль, что дама видит во мне лишь работника. Ничего, вечером в баре за мойщика меня никто не примет. Мойщик — это Том, что работает на старину Билли. Надо бы и мне подкоптить, нанять какого-нибудь парнишку».

воспоминания челноков*, мы так представляем внутреннюю речь новичка в ситуации первого пересечения границы: *«Неужто я стала торговцем, спекулянтom, как “эти”? Хорошо, что Петровым не сказала»*. Образ Self остается прежним, поскольку прежней остается референтная группа — коллеги по бывшей работе и круг близких друзей**. Так или иначе, субъективная конструкция ситуации и соответствующие практики образуют фрейм — гештальт ситуации и практик. Многократное повторение этой ситуации в следующих поездках за товаром корректирует и закрепляет фрейм (рекурсивность фрейма) потенциально в двух вариантах: либо при сохранении идентичности, либо реидентификации в статусе челнока***.

Обратимся к Гофману, который анализирует ситуацию ролевой неопределенности или конфликта. «Исполнитель, — пишет он, — обязан ограничивать свободу выбора роли в зависимости от ожиданий “широкой публики” и отказываться от роли, которая ему “не к лицу”. Если же он выбирает роль, не соответствующую социальным стандартам, он вынужден как-то объяснять свой выбор, ожидая получить моральное оправдание своему поведению в иной роли (Гофман 2003: 353). Наши челноки из естественной потребности сохранить свое Я использовали разные приемы. Идентифицировали себя не в положении челнока, но в статусе самозанятого гражданина. Бывшие учителя, научные работники в разговоре с интервьюером подчеркивали, что не будь они челноками, они не смогли бы познакомиться с иной культурой, с шедеврами архитектуры и живописи.

Введение новых таможенных правил, более жесткий контроль со стороны официальных лиц, перемена взаимоотношений с другими челноками от взаимодоверительных к конкурентным, другие значимые для успешного пересечения границы события приводят к изменению фрейма. В той же логике мы рассматриваем кейс забастовщиков, новых фер-

* Вопрос интервьюера: «Расскажите, пожалуйста, о какой-нибудь поездке, о первой или той, что лучше запомнилась. С какими проблемами Вы столкнулись? Что было неприятно? Какие полезные навыки приобрели? Кто поддерживал Вас, кто Вам мешал?»

** На вопрос интервьюера о друзьях респондента в период начала челночества, как правило, следовал ответ, что круг друзей не изменился и что лишь немногие знают о его новом занятии, если вообще есть такие посвященные.

*** Приведем свидетельства освоения новой идентичности. Из интервью с челночницей: *«И что же, мое занятие было ничем не хуже, чем раньше [до челночества], нужное людям»*. Из интервью с участником забастовки: *«Мы показали себе, что мы можем ударить кулаком по столу, когда надо, когда почва есть...»*

меров вплоть до стигматизированных обществом ВИЧ-инфицированных*.

Мы заменили ключевые понятия концепции Гофмана: вместо исполнителя роли — субъект, осваивающий ситуацию под себя, вместо «режимов вовлеченности» (при ожидании приема у врача) — глубокая озабоченность нищенским положением семьи в случае челноков; у забастовщиков — возмущение социальной несправедливостью; в случае кооператоров — забота об общем благе; в среде фанатов джаза — уход из тягучей повседневности и обретение себя в субкультуре фанатов «своего» направления и т. п. Наконец, вместо этнографии наблюдаемого поведения — глубинные интервью ради уяснения мотивов деятельности в непривычном жизненном пространстве. Если так, то почему, собственно, Гофман?

Другие возможные подходы к проблеме нашего исследования. Предмет исследования, избранный И. Гофманом, в том или ином ракурсе анализируется и другими хорошо известными авторами. Предмет, напомним, — процесс реагирования социального субъекта на «вызовы» обстоятельств, требующих его активности.

Габитус в теории Пьера Бурдьё может показаться вполне адекватным концептом для нашего исследования. Габитусы, включает авторитетная исследовательница (и последователь) П. Бурдьё Н. Шматко, это интериоризация социальных отношений «в форме социально структурированных ансамблей практических схем... предрасположенных функционировать как структурирующие структуры, порождающие практики и представления» (Шматко 1998: 64). Или проще: «габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности» (Там же: 70). Схожие условия жизни некоторой социальной общности (у Бурдьё — класса) приводят к формированию схожих представлений о значимых для входящих в общность социальных фактах и одновременно — к производству схожих практик. Человек опирается на свой длительный опыт действий в такой же ситуации, спрессованный в соответствующем габитусе, и габитус обретает функцию диспозиции к вполне определенному поведению, закреплённому в культуре структурами обычаев, традиций, т. е. нормативных шаблонов**. Иллюстрация Бурдьё — сватовство. В соответствии с французской

* Идея разработки и изначальный набросок общей схемы формирования и трансформации фреймов применительно к нашему проекту принадлежит Карин Клеман.

** Ю.Б. Епихина успешно использовала концепт Бурдьё, исследуя «образовательные габитусы»: образование как средство для карьеры, как самооцен-

традицией, если родители невесты принимают подарок претендента на руку и сердце их дочери, ритуальный разговор будет иметь продолжение, предстоят последующие визиты сватов для обсуждения условий брачного контракта. Если подарок претендента отвергается, это означает отказ.

Следует заметить, что концепция схожести габитусов социальных групп и общностей как особого, отличающего данную группу от иных образа жизни и образа мыслей, позволяют Бурдьё описывать социальную структуру общества принципиально иначе, чем было принято в социологии разных направлений, а именно — в виде своего рода карты наподобие географической, где социальное пространство заполнено многообразными топосами — скоплениями групп, обладающих схожим габитусом*.

Концепция Бурдьё не пришла в голову уже потому, что в случае, скажем, челноков габитус уважаемого предприимчивого торговца в массовом сознании тогдашних советских граждан отсутствовал. Они усвоили понятие и образ криминального спекулянта или фарцовщика, если товар заграничный. В их собственном опыте не было ни того, ни другого**.

Почему мы не пошли путем ситуационного анализа, как это сделали Томас и Знанецкий?*** Смушала научная судьба введенных авторами в оборот социологии и социальной психологии понятий «ценностные ориентации» и «социальная установка» (attitude). В 30-е гг. прошлого века было установлено обескураживающее несоответствие социальных установок индивида его реальному поведению («парадокс Лапьера»), что поставило под сомнение их предсказательную функцию и вызвало

ность... («Образовательный габитус и паттерны социальной мобильности». Презентация на ежегодной конференции СоПСо, декабрь 2011 г.).

* Наталья Шматко показала, что в процессе реформирования постсоветской России происходила смена состава экспертов — ведущих экономистов от топоса имеющих высокий академический статус к топосу тех, кто обладал высоким административным статусом и вместе с тем отличался сервильностью — следовал указаниям высшего руководства страны (См. Шматко 2005: 149–184).

** Габитус не допускает «...ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного» (Bourdieu 1980. Цит. по: Шматко 1998: 64).

*** Впрочем, ситуационный анализ мы интенсивно используем в текущем проекте под руководством С.Г. Климовой («Ситуационный анализ состояния трудовых отношений на российских предприятиях». Грант РФФИ 2010–2012 г.г., рук. С.Г. Климова).

многолетнюю дискуссию по проблеме «attitude versus behavior». Этой проблемой вместе с В. Магуном, Г. Саганенко, А. Семеновым и другими сотрудниками по исследовательскому проекту в Ленинграде я занимался досконально, что завершилось разработкой и тщательной проверкой в исследовании (на инженерах-проектировщиках) диспозиционной концепции прогнозирования социального поведения личности (Само-регуляция и прогнозирование... 1979). Концепция предполагает системную иерархию диспозиций разных уровней. Ценностные ориентации являют собой предпочтительные цели жизнедеятельности и предпочитаемые средства их достижения; общую направленность личности регулирует (в зависимости от уровня вовлеченности) поведение в типичных и постоянно повторяющихся социальных пространствах: в быту, на работе и т. д.; социальные установки активизируются в групповом взаимодействии здесь и сейчас. Все названные диспозиции продуцируются соответствующим уровнем потребностей индивида (высших, как потребность в социализации, низших — как потребность адаптации к данной среде в данный момент). Они все, кроме низших, осознаваемы и эмоционально насыщены. Нижний уровень иерархии — элементарные поведенческие готовности (по-английски — *set*, в теории Д. Узнадзе — установка, по-грузински — «ганцхоба») — подсознательны, эмоционально нейтральны, как и фреймы по Гофману*. Впрочем, мы исходили из диспозиционной концепции в одном из прежних проектов (Становление трудовых отношений... 2004).

Была еще одна, и самая весомая причина, точнее — побудительный мотив, «драйв», обратиться к концепции фреймов. Гофман рассуждал в логике структурализма, мы — в логике активистского подхода. Если Гофману удалось «встроить» фрейм-процессы в классическое для его времени ролевое представление о личности, то, возможно, нам удастся сделать то же самое, ориентируясь на образ человека действующего? Такого рода задача связана с фундаментальной проблемой преодоления разрыва между макро- и микросоциологией. Здесь — широкое поле для анализа теоретических построений современных социальных мыслителей и для исследований (См. Ядов 2009).

Возникает справедливый вопрос: можно ли считать, что предлагаемая трактовка фрейма имеет отношение к концепции Гофмана? Неко-

* Дмитрий Узнадзе, в точности, как и Гофман, прибегает к воспроизведению мысленной речи человека, обнаружившего, что привычная в данной ситуации установка (= фрейм) не ведет к ожидаемому: не удастся открыть дверь ключом. Что случилось? Ключ не от этой двери? Засорился?... Узнадзе называет такие рефлексии объективацией установки.

торое оправдание находим у Батыгина: «Гофмановская метафора принадлежит неявному знанию, она всегда может быть переосмыслена или опровергнута» (Батыгин 2004: 39)*. Пусть судит читатель.

Теория фреймов Гофмана, — замечает М. Черныш, — «лишь надстройка на большом корабле структурно-функционального анализа. В этой парадигме всегда были проблемы с будущим, воспроизводство в ней эксплицировалось заведомо лучше, чем производство»**. Реконструкция фреймов на основе наблюдаемых практик заведомо условна и остается более или менее удачной конструкцией исследователя. В нашей расширенной трактовке свидетельства относительно практик восьми целевых групп (сообществ) дополняются прямыми интерпретациями акторов, в свою очередь, корректированными особенностями мотивации и памяти респондентов. Впрочем, верифицировать с полной достоверностью предложенный концепт невозможно, как и любой иной в социальных науках.

Представляется, что предложенная трактовка фрейма имеет то преимущество, что вписывается в деятельностно-активистскую парадигму. Здесь фокус внимания теоретика — не механизмы воспроизводства стабильности социума, но социальные механизмы его преобразования. Массовое движение челноков побудило корректировать законодательство, адекватное рыночной экономике; забастовка на АвтоВАЗе и пуб-

* Еще одно подтверждение тому — недавняя публикация О.Н. Яницкого, в которой автор приводит множество свидетельств использования термина «фрейм» в различных смыслах (См. Яницкий 2011).

** Я благодарю М.Ф. Черныша за это замечание к наброску данного текста. М. Черныш обратил внимание на полемику между Музафаром Шерифом и Соломоном Ашем, в которой Шериф доказал, что нормы складываются по ходу эксперимента за пределами сознания и вопреки ему (аутокинезис). Аш в ставших классикой экспериментах на исследование конформизма показал, что далеко не все испытуемые подчиняются нормам. Он предлагал испытуемому определить, какая из демонстрируемых перед группой студентов линий длиннее. Аудитория единодушно давала неверный ответ. Ожидалось, что испытуемый согласится с большинством. При этом 75 % подопытных подчинились давлению большинства (хотя бы один раз из серии заданий), остальные либо затруднялись в ответе, либо давали верный ответ вопреки мнению большинства. На этих самостоятельных, комментирует Черныш, также влияют габитусы и диспозиции, но стремление к нормативной стабилизации не делает их конформистами. Процесс становления новых нормативных порядков нуждается, по Ашу, в информационном обмене. Люди должны начать обсуждать то, что должно стать новой нормой, прежде, чем она станет таковой.

ликация К. Клеман о предательстве заводским профсоюзом взбунтовавшихся рабочих вынудила центральную власть создать авторитетную комиссию для внесения поправок в трудовое законодательство, что пока что завершилось принятием обязательного для исполнения Регламента урегулирования трудовых споров; массовые протесты пенсионеров в 2005 г. потребовали принятия серии законодательных актов относительно пенсионных выплат и льгот; именно практики кооператоров побуждают корректировать соответствующее законодательство; уход молодежи в свои тусовки беспокоит высшее руководство страны, а комиссия Общественной палаты по делам молодежи начала соответствующие слушания*; деятельность активистов ипотечных заемщиков побудила ипотечный банк наладить оперативную информацию о ходе строительства. И так дальше и в том же ключе вплоть до случая с ВИЧ-инфицированными, где законодательные акты, облегчающие их жизнь, мало помогут: потребуется время на изменение отношения к этим людям в массовом сознании и массовых практиках.

Литература

Батыгин Г.С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Социологический журнал. 2001. № 3.

Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья) // *Гофман И.* Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Вахштайн В.С. Книга о «реальности социальной реальности». Рецензия на книгу: Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; Вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003 // Социологический Журнал. 2004. № 3—4.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; Вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Гудков Л.Д. Есть ли основания у теоретической социологии в России // Политическая концептология. 2010. № 1. С. 104—126. [http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=425&printmode].

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: Концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / Под ред. В. Ядова, Е. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010.

* Анну Барсамову, автора главы нашей книги по итогам проекта под названием «Куда податься молодым?» (Как люди делают себя 2010. Гл. 6: 207—233) пригласили в Общественную палату с докладом и включили в состав комиссии для разработки законодательных актов по организации досуга молодежи.

Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. Ядова. Л.: Наука, 1979.

Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. ДеБарделебен, С.Г. Климовой, В.А. Ядова. М.: Академический проект, 2004.

Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 193–194.

Филиппов А.Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 2. С. 113–151.

Шматко Н.Д. Социологическое пространство Пьера Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2.

Шматко Н.А. «Топосы» российской экономической реформы: от ортодоксального марксизма к радикальному либерализму // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Практис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 149–184.

Ядов В.А. К вопросу о макро-микро дилемме в социологии: решение найдено? // Социологический журнал. 2009. № 4.

Яницкий О.Н. Социальные движения и теория фрейминга // Российское общество социологов, 2011 [http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=464].

Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris: Ed. de Minuit, 1980.